

думку О. Борковського, „національні релігії, мають своє продовження і завершення в універсальних релігіях, універсальні релігії зберігають і собі деякі ознаки племенних релігій” [1, 79].

В умовах глобалізації релігійного життя наднаціональне християнство не заперечує національних смисложиттєвих чинників, а лише обмежує їх, декларуючи загальнолюдські орієнтири. „Християнський Бог і виступає тим абсолютним, який не зводиться до жодного національного, але разом з тим присутній в кожному із них як прагнення національної спільноти до все нових вершин морального життя, що будується на всезагальних принципах, де останні є загальнолюдськими, ... християнськими” [2, 247].

Таким чином, історично і географічно зумовлений стан взаємопроникнення із західноєвропейськими державами й релігія як необхідний модус життєустрою українців з ідеями взаємозапозичення кращих зразків, узгодження між національним і загальнолюдським у християнстві, відкривають шляхи пошуку спільного у світоглядно-релігійних розбіжностях та визначають прерогативність євроінтеграції.

Література:

1. Борковський О. Вступ до націології. – К., 1998.
2. Загрійчук І. Д. Бог і нація: теоретичні та історичні підстави і способи ототожнення // Практична філософія. – 2001. - № 1(№2).
3. Федотов Георгій. Доля імперій // Сучасність. – 1993. - №1.

*Сынах А.А. – асп.
(Сумы, СумГУ)*

УКРАИНА: РАСКОЛОТОЕ СОЗНАНИЕ (УКРАИНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ: ПРЕВРАТНОСТИ ВЫБОРА)

Украина объективно (географически) находится на стыке «восточно-европейского» и «постсоветского» миров. Часть ее территорий связана с австро-венгерской и польской и польской политическими традициями, часть – с российской.

В украинской политике в 1990-е годы сформировалось четыре варианта выбора между Западом и Востоком, Европой (или Евroatлантикой) и Россией. Первый – «собака на сене» – балансирование между двумя мощными силами с минимальной выгодой для себя. Второй – «блудный сын» – периодическое возвращение то к одной, то к другой силе с покаянными обещаниями остаться в лоне. Третий – «навек вместе» – обещание фактической реинтеграции с Россией, в основном экономической. И, наконец, четвертый – «не ждали» – решительная интеграция в европейские структуры [1, 80]. Два первых варианта выступают на уровне политических практик, два последних – на уровне проектов.

Фундаментальные ценностные расколы, присущие сегодня массовому сознанию Украины (как, впрочем, и России), сопряжены прежде всего

с глубоким социокультурным кризисом, потерей стратегических ориентиров общества. В числе таких расколов следует упомянуть общий для всего постсоветского пространства ментальный раскол, порожденный как имущественной дифференциацией и сопутствующей ей социальной атомизацией, так и колоссальными индивидуальными различиями в освоении адаптационных стратегий, практик и социокультурных образцов, позволяющих приспосабливаться к новым, либерально-рыночным, правилам игры. Наиболее значимым и проблемным является раскол, обусловленный принципиальной неоднородностью геокультурных и геостратегических приоритетов украинского массового сознания.

Массовое сознание украинцев формировалось мощной культурно-информационной экспансией России, в основном на уровне таблоидов и массовой культуры, единственным реальным противодействием которой стала американская поп-культура. Проблема разрешилась и на уровне образования, прежде всего гуманитарного. Русская литература в школьном курсе постепенно прекратила свое существование как отдельный предмет и стала частью курса всемирной литературы. История Украины стала доминирующей частью гуманитарного образования и в значительной степени была выстроена в соответствии с этнически эксклюзивной, местами ксенофобской (русо- и полонофобской), телеологической, линейной версией. С одной стороны, это способствовало определенной кристаллизации украинского национального самосознания, с другой – породило и порождает проблемы с гражданской идентичностью: в стране с поликультурной историей и явными культурными отличиями между компактными регионами такая версия в перспективе является опасной. Характерно, что если Россия, как в школьных, так и в вузовских курсах истории предстает преимущественно или в сдержанно-нейтральном или в достаточно негативном свете, то история Запада (Европы) подается в более взвешенном и часто более привлекательном, иногда даже карнавальном варианте. В результате в массовом сознании утверждается серия прозападных мифов.

Составить представление о глубине и фундаментальности раскола приоритетов украинского массового сознания позволяют, в частности, данные, полученные в ходе украинских опросов, проводившихся Фондом «Общественное мнение» в 2004 году. Жесткие формы межрегионального размежевания прослеживаются в ответах на вопросы, касающиеся приоритетного стратегического партнера Украины [см.: Украина. Поле мнений. – Социологические сообщения Фонда «Общественное мнение». – 2004. – №1. – С. 40].

Однако в свете недавних событий ситуация стала меняться. После выборов украинского президента, в ходе которых Россия столь открыто поддерживала кандидата от власти, и событий «оранжевой революции»

доля респондентов, предпочитающих сближение с Россией сближению с Западом, заметно снизилась. Фактор «национальной гордости малороссов» был в московской политике проигнорирован почти полностью. Одно дело выступать за союз с Россией, другое – внутренне соглашаться с тем, что Москва ведет избирательную компанию в твоей стране как *свою собственную*, как *выборы губернатора Кузбасса*. За населением признается право иметь если не мнение, то чувство. Как бы то ни было, но есть какой-то невидимый стержень, который не позволяет разминать массу как пластилин. Более того, масса создает своего рода «биополе», в рамках которого вынуждены развиваться все политические сценарии. Хотя бы в этом смысле народ выступает субъектом политики. Он выражает себя через общественное мнение, иерархию симпатий и антипатий, которые при определенных обстоятельствах не может перешибить промывка мозгов [3, 29].

Благодаря примитивизму русской политики Европа и США, вмешательство которых во внутренние дела Украины на практике гораздо масштабней и назойливей российского, но которые действуют не агрессивно и нахраписто, а подчеркнуто нейтрально и с уважением к национальному чувству, получили у населения Украины полную индульгенцию. Украинская интеллигенция практически не замечает тех манипуляций с сознанием, которые производит Запад, потому что эти манипуляции «корректны», «деликатны» и выверены.

И все же – это не вся правда. Вся правда выглядит еще опаснее: Запад не прикидывается, а искренне верит в свою всемирно-историческую миссию по продвижению демократических ценностей во всех широтах планеты. Элита западного общества поставила знак тождества между собственными западно-христианскими по происхождению, либеральными по содержанию и демократическими по форме ценностями и ценностями универсальными. Она живет и действует по принципу: «что хорошо для Запада, то хорошо для человечества», отказываясь принять к сведению тот простой факт, что люди разные, что они принадлежат к разным культурам и что эти культуры, в свою очередь, находятся на разных ступенях развития. Между тем в этом случае действует как раз обратное правило – «что немцу хорошо, то русскому смерть», а уж украинцу с его совсем молодой государственностью – тем более [3, 31-32].

Это заставляет нас задуматься о двух вещах: об удивительных параллелях истории в философском смысле и о бессмысленности «урезонивания Запада» путем аргументов о двойном стандарте, о балансе сил и интересов и тому подобных сентенций в практическом плане.

В философско-историческом аспекте наблюдаемый сегодня повсеместно энтузиазм демократических миссионеров до боли напоминает картинку из жизни Коммунистического интернационала с его идеями все-

мирной пролетарской революции, пригодной в равной степени и для Китая, и для США. Болезнь оказалась заразной. Победители в «холодной войне» стали навязывать свою демократическую идеологию побежденным с тем же рвением, с которым ранее побежденные хотели продвинуть на территорию победителей идеологию коммунистическую. Это чревато опасными последствиями. Вкус к миссионерской деятельности у русских еще не исчез, а левая идеология так же живуча, как и правая. Слишком сильное давление может родить возвратное движение, в котором наши соотечественники вдруг увидят в антиглобалистах родственную душу и захотят их «системно» поддержать, и тогда война ценностей вновь вернется на «территорию противника» и будет вестись на двух фронтах.

В практическом плане остановить Запад в его «экспорте демократии», оппонируя ему по частным вопросам (здоровый смысл, двойные стандарты, политический компромисс), но не затрагивая общий и главный вопрос о праве представлять свои ценности как универсальные и возводить их в единый и обязательный для всех стандарт, в принципе невозможно. Нельзя сидеть на двух стульях одновременно: признавать, что либеральная демократия – наш идеал, и отстаивать право на собственный путь исторического развития. Либо наш идеал «не совсем западная» демократия, либо у нас не может быть собственного пути развития [3, 32].

А что же будет с Украиной и Россией, экономики которых, несмотря на все разделительные процессы, имевшие место после 1991 года, остаются довольно сильно взаимосвязанными и взаимозависимыми? Ровным счетом ничего, они, как писал киевлянин Шолом Алейхем, «будут мучаться и делать жизнь», потому что скованы одной цепью, хотя тянут ее в разные стороны. Только России придется искать способ сохранить лицо. Но Украина ей в этом поможет, ей ведь тоже деваться некуда: мыслями можно улететь на Запад, но землю-то не перенесешь...

Подводя итоги поискам Украины выбора между Европой и Россией, можно сделать парадоксальный вывод. На уровне идеологических конструкций и интенций (установок) выбор чаще делался в пользу Европы. Но в политической практике в силу исторических обстоятельств Украина постоянно оказывалась в объятиях России. В большинстве случаев выбор определялся не интенциями, а реальностью, прежде всего, отсутствием государственности или ее крайней неустойчивостью. В настоящее время Украина вновь возвращается к превратностям выбора, но уже в новом качестве – как самостоятельное и потенциальное мощное и процветающее государство. Это создает новые возможности выбора и новую пищу для дискуссий.

Литература:

1. Касьянов Г.В. Украина между Россией и Европой: превратности выбора // Новая и новейшая история. – М.: Наука, 2005. – №3. – С. 76-81.

2. Пастухов В.Б. Освоение институтов и ценностей демократии украинским и российским массовым сознанием [Предварительные итоги] // Полис. – М.: Наука, 2005. – №1. – С. 50-62.

3. Пастухов В.Б. Украина не с Россией [Причины и последствия стратегических просчетов российской политики по отношению к Украине] // Полис. – М.: Наука, 2005. – №1. – С. 25-35.

*Телиженко Л.В. – канд. филос. н.
(Сумы, СумГУ)*

ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ: ХРИСТИАНСКИЙ ПУТЬ К ИСТИНЕ?

Вопрос религии и церкви в проблемном поле евроинтеграции имеет характер гордиевого узла, особенно что касается взаимоотношения церквей, где «высокая совместимость и взаимное доверие» как необходимое условие «вхождения в Европу» сродни тысячелетнему мифу.

Вне всяких сомнений, что христианство как мировая религия стало тем духовным феноменом, без которого исторически было бы невозможно становление и развитие ни европейской культуры, ни культуры Украины. На первый взгляд именно на почве духовного единства всей европейской культуры как культуры христианской, осмысляющей и через объективированные формы отражающей высшую религиозную цель человека – спасение во Христе, должны и могут основываться евроинтеграционные процессы. Такому же пониманию роли христианства в общечеловеческом и межнациональном сближении народов и культур способствует библейский смысл самой Церкви как нравственного центра и образца идеального общества.

На этой почве в качестве одного из вариантов решения проблемы взаимоотношения церквей, а в дальнейшем и духовного сближения Украины с Западом, высказывается мысль о необходимости объединения разных ветвей христианства в рамках экуменического движения, поскольку наличие разделенных и даже враждующих церквей свидетельствует о том, что «единый мир без единых святынь... не находит выхода из своих противоречий» [1, 153]. В свою очередь за экуменическое движение весьма активно выступает католическая церковь. Однако, например, в утвержденном в 1992 году Катехизисе РКЦ можно найти обескураживающие пункты следующего содержания: «...только через Католическую Церковь Христову, которая есть общее для всех орудие ко спасению, можно получить всю полноту средств для спасения» (п. 816); или «...сила [некатолических церквей, в том числе и Православной] исходит из полноты благодати и истины, врученных Христом Католической Церкви» (п. 819). То есть экуменическое движение в данном случае католическая церковь недвусмысленно понимает как процесс интеграции всех других церквей и